

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/sdlldmd>

НИОН: 2015-0066-1/26-381

MOSURED: 77/27-011-2026-01-580

К вопросу о методологии исследования запрета в административно-деликтном праве

Владислав Игоревич Ковшевацкий¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке комплексной методологии исследования категории запрета в административно-деликтном праве. Анализируется двойственная (материально-процессуальная) природа административного запрета, его регулятивно-охранительные функции и существенные характеристики. Авторами критикуется ограниченность традиционного догматического подхода, и обосновывается необходимость применения междисциплинарной методологической матрицы, интегрирующей структурно-догматический, функционально-экономический, социоправовой и ценностно-конституционный уровни анализа. Предложенная модель проиллюстрирована на примере кейс-стади состава незаконного предпринимательства. Результатом исследования является целостный методологический конструкт, позволяющий проводить комплексную экспертизу эффективности, легитимности и конституционности административных запретов.

Ключевые слова: административное правонарушение, правовая природа запрета, методология юридических исследований, принцип соразмерности, оценка регулирующего воздействия, сравнительное правоведение, состав правонарушения

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. К вопросу о методологии исследования запрета в административно-деликтном праве // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 59–63. EDN: SDLDMD.

Original article

On the methodology of research on prohibition in administrative and tort law

Vladislav I. Kovshevatsky¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the development of a comprehensive methodology for studying the category of prohibition in administrative and tort law. The article analyzes the dual (material and procedural) nature of administrative prohibition, its regulatory and protective functions, and its essential characteristics. The authors criticize the limitations of the traditional dogmatic approach and substantiates the need for an interdisciplinary methodological framework that integrates structural-dogmatic, functional-economic, socio-legal, and value-constitutional levels of analysis. The proposed model is illustrated using a case study of illegal entrepreneurship. The research results in a holistic methodological construct that allows for a comprehensive examination of the effectiveness, legitimacy, and constitutionality of administrative prohibitions.

Keywords: administrative offense, the legal nature of the prohibition, methodology of legal research, the principle of proportionality, assessment of regulatory impact, comparative jurisprudence, the composition of the offense

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. On the methodology of research on prohibition in administrative and tort law. Bulletin of economic security. 2026;(1):59–63. (In Russ.). EDN: SDLDMD.

Категория запрета составляет смысловое ядро административно-деликтного права, определяя границы правомерного поведения в публично-правовой сфере. Однако в отечественной науке наблюдается методоло-

© Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В., 2026

гический разрыв между признанием фундаментальной роли этого института и отсутствием целостного инструментария его исследования [1, с. 45]. Доминирующий нормативистский подход, сосредоточенный на догматическом анализе составов правонарушений, оставляет без ответа ключевые вопросы о социальном генезисе, функциональной эффективности и аксиологической обоснованности конкретных запретов.

Данная статья ставит целью преодолеть эту ограниченность через последовательное решение трех задач: 1) раскрытие правовой природы административного запрета как методологической основы; 2) критику односторонности существующих подходов; 3) разработку многоуровневой аналитической матрицы, синтезирующей достижения догматической юриспруденции, сравнительного правоведения, экономического анализа права и юридической социологии.

Говоря о правовой природе административного запрета необходимо отразить следующие его сущностные характеристики:

1. Двойственность природы. Административный запрет существует в двух взаимосвязанных измерениях. В *материально-правовом* аспекте он представляет собой абстрактную модель противоправного поведения, конструируемую через состав правонарушения и охраняющую публичный интерес [2, с. 112]. В *процессуальном* аспекте запрет обретает конкретную форму в рамках производства по делу, трансформируясь в индивидуализированное обвинение, требующее доказывания. Эта дуальность предопределяет необходимость исследования как статистики нормы, так и динамики ее применения.

2. Функциональная специфика. Запрет выполняет комплекс взаимосвязанных функций:

- *охранительную* – защиту общественных отношений в сферах управления, порядка, безопасности;
- *превентивную* – формирование моделей правомерного поведения через угрозу санкции;
- *регулятивную* – определение границ допустимой активности субъектов в публичной сфере [3, с. 203].

3. Формализация и дискреционность. Императивный характер запрета сочетается с его формализованным выражением через признаки состава правонарушения, что служит гарантией от произвола. Однако наличие бланкетных диспозиций и оценочных понятий («явное неуважение к обществу», «существенный вред») создает пространство для дискреционных решений правоприменителя [7, с. 134]. Эта ситуативная гибкость требует изучения паттернов правоприменения и механизмов контроля за усмотрением.

4. Социально-экономический контекст. Природа запрета производна от социально признаваемых норм и ценностей. Одновременно он обладает экономической размерностью, создавая издержки для государства (контроль, надзор) и регулируемых субъектов (compliance-затраты). Запрет также выполняет символическую функцию, обозначая приоритеты государственной политики [8, с. 211].

Господствующий догматический метод, восходящий к работам А. П. Алехина и Д. Н. Бахраха, обеспечивает системность знаний о структуре состава правонарушения [9, с. 67], но обнаруживает принципиальные недостатки при исследовании запрета как комплексного явления:

- игнорирование генезиса и целеполагания норм;
- отсутствие инструментов оценки фактической эффективности;
- внеисторичность и внеконтекстуальность анализа;
- пренебрежение правоприменительной практикой как источником содержания запрета [10, с. 98].

Эти ограничения делают необходимой методологическую экспансию с привлечением подходов смежных дисциплин и зарубежного опыта.

Проблема разграничения уголовно-правовых и административно-правовых запретов представляет собой один из наиболее сложных и практически значимых вопросов российской правовой системы. Множество составов правонарушений существуют в форме «смежных» или «родственных» норм, где административное правонарушение (АПН) и преступление различаются лишь степенью общественной опасности, выраженной в квалифицирующих признаках. Этот пограничный характер требует разработки специального методологического аппарата для их анализа, что непосредственно влияет на правоприменительную практику и гарантии прав граждан.

Уголовно-правовой и административно-деликтный запрет имеют единую социальную природу: оба являются средствами публично-правового принуждения, направленными на охрану общественных отношений от посягательств. Они основаны на государственном монопольном праве определять границы дозволенного поведения и применять санкции за их нарушение.

Однако их различие имеет принципиальный характер и закреплено в ст. 1.2 КоАП РФ и ст. 2 УК РФ. Критерий разграничения – степень общественной опасности деяния. Преступление предполагает более высокий уровень вреда (либо угрозы вреда) охраняемым ценностям. На практике это различие выражается через систему квалифицирующих признаков, которые законодатель встраивает в составы:

- количественные критерии: размер ущерба (при хищении), концентрация алкоголя в крови, повторность нарушения;
- качественные критерии: способ совершения деяния (с применением насилия), наступление тяжких последствий, характеристика субъекта (использование служебного положения);
- формальные критерии: сам факт наличия или отсутствия судимости за аналогичное деяние.

Таким образом, административно-деликтный запрет часто представляет собой «базовую модель» противоправности, которая при наступлении дополнительных обстоятельств (квалифицирующих признаков) «перерастает» в уголовно-правовой запрет. Это создает ситу-

ацию пограничных (маргинальных) составов, где грань между проступком и преступлением может быть тонкой и оценочной.

Далее перейдем к анализу проблемных аспектов взаимосвязи уголовно-правовых и административно-деликтных запретов и их влияние на методологию исследования. Наиболее ярким проявлением такой связи является институт административной преюдиции (ч. 2 ст. 4.6 КоАП РФ, ст. 15.1, 20.1 и др. УК РФ), когда совершение административного правонарушения при определенных условиях (например, в течение срока, когда лицо считается подвергнутым наказанию) само становится признаком состава преступления. Это создает уникальную методологическую задачу: исследование запрета должно учитывать его **двойной правовой режим** – как самостоятельное АПН и как этап, ведущий к уголовной ответственности. Анализ эффективности такого запрета требует оценки не только прямых последствий (штрафы по КоАП), но и опосредованных – его роли в криминализации поведения.

Кроме того, существует проблема единого социального явления, регулируемого на двух уровнях. Многие социально вредные явления (например, семейно-бытовое насилие, нарушения в сфере дорожного движения, экономические правонарушения) регулируются одновременно и административным, и уголовным законодательством. Исследование запрета, таким образом, должно носить **комплексный отраслевой характер**. Нельзя полноценно изучать административный запрет на управление в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ) без анализа его связи с уголовным запретом (ст. 264.1 УК РФ), так как они представляют собой единую систему государственного реагирования на одно социальное зло. Методологическая матрица, предложенная ранее, должна быть дополнена **сравнительно-отраслевым уровнем**, сопоставляющим санкции, процедуры, цели и правовые последствия двух видов запретов в отношении одного типа поведения.

Также необходимо отметить проблему оценочных границ и правовой определенности. Разграничение по степени общественной опасности во многих случаях отдано на усмотрение правоприменителя. Когда административный состав (например, мелкое хулиганство) и уголовный состав (хулиганство) различаются по признаку «применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия», возникает вопрос квалификации предмета. Эта субъективизация границы повышает риски произвольного применения более строгого запрета. Следовательно, методология исследования должна включать критический анализ оценочных понятий на стыке КоАП и УК, изучая, как судебная практика формирует объективизированные критерии для их разграничения.

Кроме того, есть проблема «перетекания» дел и процессуальных злоупотреблений. Существование смежных составов создает риск использования административного запрета как инструмента давления или как «запасного варианта» при неудавшемся уголовном преследовании.

Методология должна учитывать процессуальный аспект взаимосвязи: как органы расследования и суды решают вопрос о переквалификации деяния с уголовного на административное и наоборот, какие факторы влияют на это решение помимо формальных признаков состава.

Учет уголовно-правового контекста приводит к следующим уточнениям методологии:

1. Контекстуальный анализ состава. При догматическом исследовании административного запрета (Уровень I матрицы) необходимо проводить систематическое сравнение с родственными уголовными нормами. Это позволяет выявить не только формальные различия, но и потенциальные законодательные пробелы или коллизии.

2. Расширение функционального анализа. При оценке эффективности административного запрета (Уровень II матрицы) требуется моделирование его влияния на динамику смежных уголовных преступлений. Эффективный административный запрет должен выполнять функцию «раннего реагирования», предотвращая эскалацию правонарушения до уровня преступления.

3. Углубление социоправового исследования. Изучение правосознания и латентности (Уровень III матрицы) должно учитывать, как население воспринимает риск «перехода черты» от проступка к преступлению. Нарушают ли граждане административный запрет, рассчитывая остаться в зоне меньшей ответственности, или же сам факт существования уголовной нормы усиливает превентивный эффект административной?

На основе анализа природы запрета предлагается четырехуровневая аналитическая матрица, связывающая аспекты исследуемого феномена с конкретными исследовательскими инструментами.

Уровень I. Структурно-догматический анализ («модель опасности»).

Цель: раскрытие формально-юридической конструкции запрета.

Инструментарий: лингвистический и логический анализ текста нормы; системное толкование; изучение судебной практики высших инстанций.

Интеграция опыта: применение германского принципа определенности (*Bestimmtheitsgebot*) для оценки качества законодательной техники [11, с. 155].

Уровень II. Функционально-экономический анализ («инструмент регулирования»).

Цель: оценка эффективности запрета в достижении публичных целей.

Инструментарий: методология оценки регулирующего воздействия (RIA); cost-benefit analysis; поиск альтернативных регулятивных инструментов [12, с. 301].

Интеграция опыта: использование англосаксонского прагматизма, требующего эмпирического обоснования регулятивных решений.

Уровень III. Социоправовой анализ («социальное бытие нормы»).

Цель: изучение взаимодействия запрета с социальной средой.

Инструментарий: анализ статистики; социологические опросы; контент-анализ медиапространства и судебной практики [13, с. 177].

Интеграция опыта: учет идей социологии права о детерминантах правомерного/противоправного поведения.

Уровень IV. Ценностно-конституционный анализ («мера принуждения»).

Цель: проверка запрета на соответствие конституционным принципам.

Инструментарий: трехзвенный тест пропорциональности; сравнительно-правовой анализ; философско-правовая экспертиза [14, с. 88].

Интеграция опыта: применение стандартов ЕСПЧ в оценке необходимости и соразмерности ограничений [15, с. 225].

4. Практическая апробация: кейс-стади ст. 14.1 КоАП РФ.

Применение матрицы к составу незаконного предпринимательства демонстрирует ее эвристический потенциал:

Уровень I: выявляется коллизия между гражданско-правовым понятием «предпринимательская деятельность» и его публично-правовым использованием, проблема разграничения систематичности и эпизодичности [16].

Уровень II: анализ показывает ограниченную эффективность запрета в защите потребителей и фискальных целях при высоких административных издержках, обосновывает целесообразность менее ограничительных альтернатив (специальные налоговые режимы) [17, с. 142].

Уровень III: социологические данные свидетельствуют о низкой легитимности запрета среди самозанятых, высокой латентности и избирательном правоприменении [18, с. 99].

Уровень IV: проверка на пропорциональность выявляет сомнительную необходимость жесткого запрета при наличии менее ограничительных альтернатив и возможную чрезмерность санкций [19, с. 203].

Комплексный анализ позволяет не только описать норму, но и сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию регулятивного режима.

5. Вызовы и перспективы развития методологии.

Внедрение предложенного подхода сталкивается с объективными трудностями:

- междисциплинарные барьеры и дефицит соответствующих компетенций у исследователей-юристов;
- недостаточная развитость системы открытых данных по административным правонарушениям [20, с. 76];
- консерватизм академической и правоприменительной среды;
- риск методологического релятивизма при отсутствии четкой иерархии критериев оценки.

Перспективы развития связаны с формированием междисциплинарных исследовательских коллективов, внедрением цифровых методов анализа данных, операционализацией матрицы для различных отраслевых блоков КоАП РФ.

Таким образом, разработанная методологическая матрица представляет собой целостный аналитический конструкт, позволяющий преодолеть фрагментарность традиционных исследований административного запрета. Синтез догматического, функционально-экономического, социологического и аксиологического подходов обеспечивает возможность комплексной экспертизы, оценивающей одновременно юридическую корректность, социальную эффективность и конституционную обоснованность запретительных норм.

Практическая ценность предложенной методологии заключается в ее применимости для:

- научной критики существующих составов административных правонарушений;
- разработки рекомендаций по оптимизации административно-деликтного законодательства;
- проведения антикоррупционной и регуляторной экспертизы проектов нормативных актов;
- подготовки аналитических материалов для правоприменительной практики.

Дальнейшее развитие этого направления исследований видится в создании специализированных методик для анализа отдельных групп составов и во внедрении предложенных подходов в образовательные программы юридических вузов.

Библиографический список

1. Бахрах Д. Н. Административное право России. М. : Эксмо, 2018. 608 с.
2. Конин Н. М. Административное право России : общая часть. М. : Проспект, 2020. 456 с.
3. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс. М. : Издание Тихомирова М.Ю., 2021. 784 с.
4. Baldwin R., Cave M. Understanding Regulation. Oxford University Press, 2012. 552 p.
5. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России. М. : Зерцало-М, 2019. 752 с.
6. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. СПб : Юридический центр Пресс, 2008. 560 с.
7. Зубач А. В. Принцип соразмерности ограничения прав в административном праве // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 12–18.
8. Sunstein C. R. Why Nudge? Yale University Press, 2014. 208 p.
9. Стахов А. И. Административная ответственность. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 463 с.
10. Galligan D. J. Discretionary Powers. Oxford: Clarendon Press, 1990. 426 p.
11. Кеник К. В. Административная ответственность юридических лиц в праве Германии и России. М. : Инфотропик Медиа, 2016. 288 с.

12. Мадьярова А. В. Оценка регулирующего воздействия как инструмент антикоррупционной экспертизы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 105–112.

13. Волков В. В. Социология права. СПб : Юридический центр, 2015. 432 с.

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 874.

15. Judgment of the ECHR in the case «VgT Verein gegen Tierfabriken v. Switzerland», 2009.

16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельности, 2014.

17. Радаев В. В. Теневая экономика в России // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 5. С. 134–158.

18. Яницкий О. Н. Социология риска // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 88–115.

19. Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1. М. : Норма, 2020. 864 с.

20. Баранов П. П., Сальников В. П. Актуальные проблемы административной юстиции // Государство и право. 2019. № 11. С. 70–80.

6. Sorokin V. D. Administrative procedural law. SPb. : Law Center Press, 2008. 560 p.

7. Zubach A. V. The principle of proportionality of limitation of rights in administrative law // Administrative law and process. 2020. № 8. P. 12–18.

8. Sunstein C. R. Why Nudge? Yale University Press, 2014. 208 p.

9. Stakhov A. I. Administrative responsibility. M. : UNITY-DANA, 2017. 463 p.

10. Galligan D. J. Discretionary Powers. Oxford : Clarendon Press, 1990. 426 p.

11. Kenik K. V. Administrative responsibility of legal entities in the law of Germany and Russia. M. : Infotropik Media, 2016. 288 p.

12. Magyarova A. V. Assessment of regulatory impact as a tool of anti-corruption expertise // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2018. № 5. P. 105–112.

13. Volkov V. V. Sociology of Law. SPb. : Law Center, 2015. 432 p.

14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 4-P dated February 14, 2013 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 8. Art. 874.

15. Judgment of the ECHR in the case «VgT Verein gegen Tierfabriken v. Switzerland», 2009.

16. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of administrative offenses in the sphere of entrepreneurial activity, 2014.

17. Radaev V. V. Shadow economy in Russia // Economic sociology. 2016. Vol. 17. № 5. P. 134–158.

18. Yanitskiy O. N. Sociology of risk // The world of Russia. 2017. Vol. 26. № 1. P. 88–115.

19. Avakian S. A. Constitutional law of Russia. Vol. 1. M. : Norm, 2020. 864 p.

20. Baranov P. P., Salnikov V. P. Actual problems of administrative justice // State and law. 2019. № 11. P. 70–80.

Bibliographic list

1. Bakhakh D. N. Administrative law of Russia. M. : Eksmo, 2018. 608 p.

2. Konin N. M. Administrative law of Russia : general part. M. : Prospekt, 2020. 456 p.

3. Tikhomirov Yu. A. Administrative law and process. M. : Edition Tikhomirov M. Yu., 2021. 784 p.

4. Baldwin R., Cave M. Understanding Regulation. Oxford University Press, 2012. 552 p.

5. Alyokhin A. P., Karmolitsky A. A. Administrative law of Russia. M. : Zertsalo-M, 2019. 752 p.

Информация об авторах

В. И. Ковшевацкий – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kovshevatsky – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Markina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.